

ПРАГМАТИКА ВИЗУАЛЬНЫХ ПРАКТИК В АСПЕКТЕ ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ

НУРГАЛЕЕВА Л.В.

*Национальный исследовательский Томский государственный
университет, г. Томск
E-mail: nurgaleeva@yandex.ru*

Прагматика визуальных практик рассматривается на основе анализа описаний когнитивных схем управления пространством. Обсуждается вопрос о необходимости разработки методологических оснований исследований визуальных практик с позиций интердисциплинарного подхода. Прагматика визуальных практик рассматривается на основе анализа описаний когнитивных схем управления пространством. Обсуждается вопрос о необходимости разработки методологических оснований исследований визуальных практик с позиций интердисциплинарного подхода.

Ключевые слова: визуализация, технологии, управление пространством, образное мышление, образование

Главным объектом исследования философии образования выступает человек, обладающий способностью к разработке определенных концепций действия в меняющихся условиях, в том числе и проектов, предназначенных для реализации потенциала собственного мышления. Современная эпоха, все активнее включающая в процессы познания реальности новые средства визуализации данных, порождает критическую множественность пространственного опыта человека. Новые формы и методы медиального опосредования, представляющие собой фокусированные и нефокусированные системы управления мыслями и чувствами людей, оказываются не только мощным инструментом моделирования, мобилизации, стимулирования общения, но и источником процессов дезадаптации и реструктуризации привычных социокультурных матриц. Последствия этого явления требуют серьезного осмысления. На сегодняшний день нет достаточно отчетливых представлений о том, как именно влияет применение тех или иных визуальных технологий на мышление человека, какие характеристики являются наиболее значимыми в изучении проблем, связанных с эволюционной комплексностью его природы. Если становление человека понимать как многомерный морфогенез, складывающийся из взаимодействия экологических, генетических, мозговых, социальных и культурных факторов, то вопросы, связанные с эволюцией визуальных практик следует исследовать с позиции комплексного подхода. Анализ и оценка разных аспектов развития, формирование комплементарных матриц моделирования изменений требуют свободного совмещения контекстов содержательно далёких способов и областей тематизации на основе интердисциплинарного подхода.

Жизнь современного человека организационно зависима от освоения новых коммуникационных средств, которые делают ставку на прагматику визуа-

лизации. Динамика инноваций в этой сфере очень высока и требует постоянного приспособления к инструментальным новшествам. В этом процессе заметную роль играет разработка всевозможных видов графических интерфейсов и программ, поддерживающих самые разнообразные формы визуализации данных (фото-, видеоколлекции, голографические изображения, электронная картография, трехмерные изображения, средства анализа сетевой информации, лазерные шоу, виджеты и т.д.). Бурное развитие этой сферы в последние десятилетия является не только свидетельством активного интереса к технологиям презентации информации, но и показателем актуальности человеческих практик, связанных с когнитивной коадаптацией мышления к новым способам описаний реальности. В основе бурной динамики развития коммуникационных технологий лежит фундаментальная логика управления временем и пространством. Можно согласиться с тем, что каждый новый проект визуализации данных не несет в себе чего-то ошеломляюще нового. Основной качественный прорыв уже был достигнут на этапе перехода от передачи статического изображения к динамическому. Условно говоря, качественный переход в сфере визуализации обозначился уже на этапе перехода от наскальных изображений к фотографии. Технологии «движущихся картинок», киномонтажа, это скорее лишь динамическая модель репрезентации реального. Разные пространственные модификации изображаемого воспринимаются как технологические смещения в интерпретациях узнаваемого. Однако наблюдая за тем, что встраивание нового средства визуализации вызывает очередную коммуникационную волну экспериментов с информацией и всплеск познавательный эмоций, приходится задумываться над тем, чем это обусловлено и как подобный опыт может быть эффективно использован в образовательных целях. При кажущейся простоте вопроса, экспериментальный методологический поиск в этой сфере не всегда дает ожидаемый результат. Одной из причин является отсутствие комплексных исследований по прагматике визуального, позволяющих учитывать закономерности управления вниманием и рефлексивной координацией человека, в основе которых лежит пространственный опыт мышления. В целях решения образовательных задач важно понять, что стоит за теми или иными эффектами технологической визуализации, если рассматривать их с точки зрения самоорганизации мышления? Вопрос о том, каким образом те или иные средства визуализации должны использоваться в образовательных целях, является весьма и весьма принципиальным.

Что понимается под словом визуализация? Оно имеет несколько значений, которые сводятся к способности делать зримыми объекты и процессы. Гносеологическая ценность визуализации обусловлена тем, что сформированное видение предполагает осознание, понимание, самоорганизацию знания и переход на новый мировоззренческий уровень. В самом общем виде исследовательские задачи по изучению практик визуального могут формулироваться как решение проблем управления пространственным мышлением, где выявляется несоответствие процессов абстрагирования, наблюдения, описания, формиро-

вания схем понимания и действия. По мнению *Б. Верлена*, понятие пространства служит формальному упорядочению телесно воспринимаемых протяженных данных [1]. Оно формируется благодаря различению физического и смыслового аспектов многообразных комбинаций действия и имеет формально-классификационный характер. Перспектива таких опытов социально задана. Она определяется границами образности мышления, которое представляет собой исторически становящийся, социально сгенерированный продукт. Его ценность заключается в сохранении некоторого содержания — определенности действия и локализации места. Основу коммуникационных отношений в этой области составляет гетерогенность процессов восприятия пространства.

Сегодня информационно-коммуникационные технологии являются открытым полем массовых экспериментов в сфере визуального. Большинство современных людей «оснащены» коммуникационными средствами, превращающими жизненную среду в своеобразную лабораторию по конструированию образов и сопровождающих их текстов. В свете открывающегося опыта общения мы по-новому воспринимаем, оцениваем и организуем само пространство визуальных взаимодействий. Однако когнитивные эффекты этого процесса сегодня еще слабо исследованы. Актуальность разработок в этой сфере обусловлена тем, что, будучи помещенным в социальную коммуникативную среду, опыт видения приобретает собственную самоидентичность в разных аспектах человеческого поведения и институализации. Обобщение опыта визуализации, как правило, завершается отсылками к опыту формирования целостного поведения. Однако видение порождает и системы дифференцированных значений, которые играют не менее важную роль в становлении мышления. Детальный анализ последствий включения различных современных средств визуализации в образовательный процесс должен включать в себя и этот важный компонент исследований. Как известно, различные иконические представления реальности могут быть по каким-то параметрам несовместимыми друг с другом, но в динамике они задают такие формы трансвизуальной онтологии, которые составляют основу эволюции мышления. Конфликт представлений о реальности может конвертироваться в конфронтацию воззрений, но нередко этот опыт является способом преодоления косности видения.

Одной из исследовательских задач может выступать анализ разных форм визуального восприятия и их зависимость от структурных и функциональных особенностей носителя информации. Технологически подобные задачи могут решаться на основе специальных средств мониторинга, позволяющих создавать динамические описания зрительных процессов и оценивать их характеристики с учетом тех или иных когнитивных функций. В качестве примера можно сослаться на технологии айтрекинга. Они позволяют взять за основу анализа некоторую последовательность рутинизированных визуальных операций и соотнести её с определенными параметрами воздействия коммуникативной среды на мышление человека. Но подобный инструментарий является лишь одним из средств сбора аналитических данных. Применение мониторинговых технологий

для замеров конкретных характеристик визуальных практик не снимает с повестки дня вопрос о концептуальном осмыслении природы визуального как важного проекта междисциплинарного дискурса. Если говорить об образовательных аспектах этой проблемы, то нужно отметить, что особый интерес представляет изучение вопроса о том, как то или иное средство визуального представления информации вписывается в методическую схему предметности? Позволяет ли активное применение тех или иных средств визуализации сохранять имеющиеся аналитические техники, навыки запоминания, понимания, суждения? В какой мере они позволяют поддерживать или развивать смысловые основания проектно-исследовательской деятельности и т.д.

Вопрос о том, что значит мыслить образами, становится особенно актуальным в связи с расширением опыта визуальных практик. Он тесно связан с представлениями о том, как именно человек управляет пространством и какие аспекты пространственного мышления являются наиболее значимыми в реализации конкретных образовательных практик. Образ рассматривается как продукт воображения, однако это не создает препятствий к тому, чтобы понимать образное как функцию фундаментальную сознания. В человеческом обществе функции образа выводятся из его посреднической позиции между восприятием и понятием. Детальное исследование показывает, что именно образное связывает элементы описания реальности, создавая условия для метафорических обобщений и созерцания пространства [2]. Развитие схем социального взаимодействия протекает в направлении усложнения стимульных реакций, порождаемых разнообразием форм коммуникации. Они формируются на основе нейродинамики прототипической чувствительности, составляющей базис сознания. Активация разных сегментов референциальной сети образных референций переводит «калейдоскоп» внешних стимулов в разные формы мышления. То, что принято понимать под интеллектуальным поиском, во многом обусловлено сложностью эмоционально-образных референций. Основной особенностью мышления является то, что сознание формирует индуцированную внешними стимулами активность мозга [3, с. 13]. Мозг не только «фильтрует» и «перерабатывает» импульсы, поступающие от органов чувств, но и активно ищет новые чувственные стимулы как исходный материал для генерирования воспринимающих паттернов. Эти процессы являются интегративным основанием межличностной коммуникации и источником чувствительности человека к новым формам медиального опосредования. Визуальное выступает одним из основных механизмов в этом процессе, так как зрение является самым активным «поставщиком» информации и механизмом конституирования смысловых отношений в форме пространственных моделей образной репрезентации.

Прагматика визуальных практик описывается *Э.Мореном* на основе анализа поливалентности психических процессов. Он показывает, что как выстраиваются схемы взаимодействия человеческого опыта, социальных participаций и воображаемых процессов [4]. Аффективные проекции-идентификации определяются процессами воображаемого. Потоки изображений, чувств, эмоций

создают эрзац потока сознания. Кинестезия зрелища поглощается коенестезией зрителя. Реальное и воображаемое создают динамические потоки проекций-идентификаций. Общность перцептивных (практических) и аффективных (созданных воображением) явлений формирует перекресток объективаций и субъективаций. Взаимодействие психических, личностных и социальных процессов на всех уровнях взаимодействия поддерживается коммуникационными кодами и связями. Это позволяет не только обновлять устойчивые связи и ассоциации, но и конструировать смыслы. Аспекты воспроизводства образа в созерцании, внимательная задержка на нем — это не меньшее эволюционное достижение в развитии человека, чем накапливаемый культурой опыт интерпретации наблюдений. Он приспособляется к опыту общения и приспособляет к себе коенестезический, аффективный и интеллектуальный динамизмы зрителя. Атрофия моторной, практической или активной партиципации компенсируется психической аффективной партиципацией. Возникает заданная искусственность эмоций. Не имея возможности выразиться в действиях, внутренняя аффективная реакция зрителя становится более ощущаемой. Подвижность камеры, последовательная смена планов, скачкообразная расшифровка действий, аттракционные эффекты монтажа, приводят в действие двойной процесс восприятия. Он протекает в направлении от фрагментарности к тотальности, от множественности к единству объекта. Практическое восприятие восстанавливает целостное из потока ощущений, прочитываемых как знаки. Э. Морен указывает, что экранные изображения активизируют элементарный процесс проекции-идентификации. В практическом восприятии многие тенденции мышления атрофированы, приглашены или направлены в сторону объективного узнавания. Этот механизм позволяет описание бесконечно сложных сред сводить к моделям действия в зрительном, речевом и соматосенсорном каналах восприятия. Восприятие восстанавливает гомогенность коммуникативного события через соотнесение предметов, примет времени и образов пространства, «собирая» фрагментарные серии смысловые целостности. Перцептивное уравнение работает благодаря тому, что камера копирует деятельность зрительного восприятия. Но этот процесс осуществляется в рамках механической фрагментации, осуществляемой фильмом как медиумом коммуникации. Восприятие моделируется и управляется психологическим видением. Активная стимуляция мышления протекает на основе распознавания образов и редупликации нейронных связей внутри рефлексивных сетей [5, с. 135]. Эта особая форма активности лежит в основе развития интеллектуальных процессов, таких как способность к экстраполяции, предвидению будущих ситуаций, установлению ассоциативных связей, формированию абстракций, разработке вариантов формализации знания, реализации манипуляционного поведения.

Перцептивная расшифровка фрагментов реальности основывается на том, что сгенерированный мышлением образ шире угла зрения глаза: он захватывает воспоминания и перспективы будущего, вовлекая в обзор личностный опыт. Это становится возможным благодаря тому, что элементы обобщения содер-

жаты даже в таких относительно простых психических феноменах, как ощущение. Согласно гипотезе Ф.Крика и К.Коха, для возникновения зрительного ощущения необходима согласованная работа зрительной коры, гиппокампа и лобной доли [6, р. 121]. Зрение нагружается воображаемыми дополнениями и психологическими рационализациями. Более сложные психические процессы не отменяют простых форм реагирования, а надстраиваются над ними в качестве метаинформационной среды. Объективные проекции-идентификации вводят процессы воображаемого в сферу практической детерминации, рационализирующих структур, идентифицирующих предмет с видом или родом.

Известный немецкий исследователь *К.Вульф* направил свои исследования на поиск ответов, позволяющих с некоторой долей достоверности судить о том, что образы делают с человеком? Каково антропологическое значение способности создавать, вспоминать или переструктурировать образы? *К.Вульф* стремится показать, что образ определяет все многообразие социальных действий и задает собой формы филогенетического и онтогенетического становления человека [7]. Проявление силы воображения порождает медиальные эффекты в коммуникации. Развитие большинства социокультурных практик обязано продуктивности парадоксов медиальности [8, с. 129]. Образ-замысел, направляющий человеческое творчество изнутри, реализуется в образе, формируемом в другой среде. Тем самым среда обитания образа является медиумом, наделенным собственным коммуникативным статусом. Являясь специфической формой абстракции, образы трансформируют внутреннее и внешнее пространство человека. Трансформации образа — изменения, дополнения, пропуски, стилизации и тому подобное — способствуют удержанию во внутреннем мире внешних импульсов, развитию форм рефлексивной координации и познания реальности. Этот аспект управления пространством является важным полем интердисциплинарных исследовательских практик в современной коммуникативной онтологии и её образовательного потенциала.

Эффекты медиальной парадоксии разнообразны в своих проявлениях. На первый взгляд, образ как чувственная стилизация зримой действительности призван делать мир более открытым и представимым для человека. Проектирование мира с помощью ментальных образов означает «проявление мира» и восприятие его в качестве поля практики. Результатом такого подхода является ситуация, разворачивающаяся в современной культуре. Сегодня наряду с передачей текстов, накапливаются, архивируются и передаются в разных форматах бесчисленные множества образов. Опорой памяти становятся фотографии, фильмы, видео, трехмерные изображения, лазерные инсталляции и т.д. Теперь уже возникает особый опыт сетевой констелляции образов. Как отмечает *О. Горюнова*, «создание Интернета как искусственной среды чисто умозрительного обитания человека в основе своей представляет сборку выявленных в результате многоступенчатого структурного анализа элементов аппарата воспроизведения абстрактной картины мира» [9, с.99]. Формируя публичное пространство, разделяемое многими людьми, сетевые образы распространяются, пре-

одолевая границы национальных культур, создавая новые формы запечатлевания коммуникативных событий, меняя параметры ценностных ориентировок и практику наблюдений. Превращаясь в «сетевые» артефакты, образы поддерживают совместное вовлечение в процессы конституирования сообществ, формирования чувства коллективности, взаимной сопринадлежности. Психологическую основу подобных форм социальной кооперации составляет общность переживания идеи пространства в аспектах его медиальной парадоксии. Образ пространства несет в себе черты целостности и разделенности одновременно, позволяя производить, осваивать и развивать новые формы когнитивных практик. Коммуникационные технологии, опирающиеся на прагматику визуального, делают образы легко доступными, динамичными, вариативно воспроизводимыми, но их действенность в социальном отношении часто игнорируется или оценивается однобоко.

Эффекты медиальной парадоксии проявляются в двойственности природы образа. Она заключается в том, что образ способен заслонять собой реальность, все активнее заполняя собой пространство между миром и человеком. *К. Вульф* обращает внимание на то, что все больше и больше производится образов, которым не соответствует никакая действительность. Они генерируют особый тип социального взаимодействия, который предполагает автокоммуникацию образов, порождая усиление аспектов виртуализации человеческого сознания. Примером могут служить практики генерации образов в средствах массовой информации, целью которых является не отражение реальности, а активное стимулирование внимания человека в угоду сиюминутным целям. Образы способны маскировать действительность потоками предъявляемых восприятию данных. Мир видимости разрастается, поглощая содержательную реальность социальных практик и индивидуального развития. Все значимое стихийно превращается в игру образов. В этом смысле современные визуальные практики чрезвычайно «практичны». Они позволяют конструировать реальность на основе гибкого применения электромагнитных кодов. Цифровые медиа представляют собой не только новую среду обитания образа, но и особую виртуальную «окружающую среду». Возникает вопрос, каков статус цифрового образа по отношению к иным практикам иконографии? *К. Вульф* полагает, что он задается фиктивностью форм образной репрезентации: цифровой код не может считаться отражением реальности, так как он генерируется математически и его свойства следует признать кажущимися. Спорность такой позиции может являться предметом специальных междисциплинарных дискуссий. Если рассматривать вопрос о статусе цифровых медиа с точки зрения человеческого восприятия, то важно отметить, что прагматика визуального задается тем, что порождаемый воображением образ выступает медиумом коммуникации — реальным участником процессов обмена информацией, несущим собственную смысловую нагрузку, независимо от способа его генерирования. Этот процесс направлен на выявление многообразных идентификаций реальности, обнаруживающихся в

локальном взаимодействии и поддерживающихся принципиальной нелокальностью сознания.

Подводя итоги, нужно сказать, что прагматика современных визуальных практик заключается в развитии схем управления пространством, включая и пространство воображения. Визуализация как совокупность технологий, приемов и результатов позволяет выявить определенный ракурс восприятия и анализа, позволяя формировать представления об объекте наблюдения. Сегодня исследователей разных предметных областей объединяет осознание того факта, что технологические прорывы в сфере коммуникации и, в частности, эксперименты в области визуальных практик становятся вторичными по отношению к проблемам адаптации человеческого сознания к свободным изменениям коммуникационных кодов. Оценка последствий внедрения современных средств визуализации в образовании, требует формирования нового класса экспертов, обладающих набором соответствующих знаний и опытом в разных сферах научного познания. Обобщение идей, связанных с изучением прагматики визуальных практик на основе интердисциплинарного подхода, может стать вопросом стратегического развития современных образовательных проектов. Его обсуждение неизбежно будет включать в себя конструктивные элементы визуального, позволяя поддерживать предметную определенность описания разнообразных явлений, устранять различие между процессами восприятия разных людей и воссоздавать условия сохранения аксиологических границ человеческого самовосприятия. В целом образовательный процесс и роль визуальных технологий в нем может рассматриваться как возможность преодоления относительности, проявленной в способности человека к пониманию и самопониманию. В связи с этим особую значимость приобретает вопрос о том, как трактуется проблема управления пространством в концепциях, учитывающих разные аспекты коммуникативного взаимодействия. На пути интердисциплинарных исследований может быть достигнут приемлемый консенсус мнений, который будет способствовать разработке образовательных методик, позволяющих решать задачи визуализации с учетом и их влияния на мышление человека.

ЛИТЕРАТУРА

4. Werlen, B. *Society, Action and Space. An Alternative Human Geography.* // With a Preface by Anthony Giddens. – London and New York: Routledge. – 1998. – №2.
5. Филиппов, А.Ф. *Социология пространства* / А.Ф. Филиппов. – СПб.: Владимир Даль, 2008. – 286 с.
6. Фриман, У.Дж. *Динамика мозга в восприятии и сознании: творческая роль хаоса.* / У.Дж. Фриман // *Синергетика и психология. Когнитивные процессы.* – Вып. 3.– М.: Когито-центр, 2004. – С.13-28.
7. Morin, E. *Le cinema ou J'homme imaginaire.* // *Essais d'antropologie sociologique.* – Paris: Les Editions de minuit, 1956. – P. 97-132.
8. Прибрам, К. *Языки мозга: Экспериментальные парадоксы и принципы нейропсихологии.* – М.: Прогресс, 1975. – 464 с.
9. Crick, F. *Are we aware of neuronal activity in primary visual cortex?* / F. Crick, C. Koch // *Nature.* –1995. – V. 375. – № 625. – P. 121

10. Вульф, К. К генезису социального. Мимезис, перформативность, ритуал. – СПб.: Интерсоцис, 2009. – 164 с.
11. Вульф К. Homo pictor oder die Erzeugung des Menschen durch die Imagination // Вестник Самарской Гуманитарной академии. Сер. Философия. Филология. – 2008. – №1(3) . – С.121-136.
12. Горюнова О. От текста к медиа. Дискурсивные особенности Internet // Взгляд с Востока. – М.: MediaArtLab, 2000. – С.99-103.